

Сергей Козлов

ПРИОРИТЕТЫ И МЕНТАЛИТЕТЫ

Прежде всего я хотел бы выразить глубокую благодарность редакции «НЛО» (в лице И. Прохоровой и О. Тимофеевой) и всем участникам дискуссии за внимание, проявленное ими к моему тексту.

Когда редакция «НЛО» предложила мне сделать предметом отдельной дискуссии текст моего выступления на «круглом столе», состоявшемся 4 апреля 2011 года в ИГИТИ НИУ-ВШЭ¹, — я не увидел оснований отказываться от предложения. Вместе с тем я с самого начала понимал, что в качестве повода для полемики мой текст не оптимален. Не оптимален постольку, поскольку не сфокусирован на одной проблеме и на одном тезисе. Текст содержал в себе несколько разных мыслей, и я опасался, что от этого дискуссия может принять чересчур центробежный характер. Так оно, по-моему, и случилось. Те читатели, которые рассчитывали прочитать ясный и последовательный спор, посвященный обсуждению одного вопроса, будут, скорее всего, разочарованы. Возможно, чтобы увидеть в состоявшейся полемике некое осмысленное целое, к ней нужно подойти с иными мерками. Ее следует читать не как связный диспут, а как набор результатов некоего проективного тестирования, где материалом для проективного теста оказалась моя статья. Полученный набор результатов позволяет сопоставить научные и, шире, социокультурные приоритеты дискутантов / респондентов — в этом, на мой взгляд, и заключается положительный смысл дискуссии, предлагаемой сейчас вниманию читателей «НЛО».

Я никоим образом не претендую на исчерпывающий сопоставительный разбор полученных результатов: сама моя позиция как заинтересованного участника дискуссии затруднила бы для меня подобный анализ. Тем не менее я хотел бы для начала попробовать выделить основные «силовые линии» состоявшегося обсуждения — чтобы уже затем ответить на некоторые критические замечания и сопоставить некоторые сценарии развития филологии, предложенные в ходе дискуссии.

Главные темы обсуждения лишь частично совпали с главными темами моего текста (точнее — с темами моего текста, которые были главными для меня самого). Я видел в своем тексте три ведущие темы. Сформулирую их в виде бинарных оппозиций: 1) институции vs. автономия научного поиска; 2) первичность метода vs. первичность материала; 3) героический догматизм прошлого vs. искушенный эклектизм настоящего.

Из вышеназванных трех тематических линий коллеги, откликнувшиеся на мой текст, отчасти подхватили первую и вторую. Но подхвативших было немного. На первую линию активно откликнулись всего два автора: Кевин Платт и Сергей Ушакин. Вторая линия вызвала несколько более широкий отклик: о роли метода и о выборе метода в сегодняшней научной ситуации заинтересованно высказался тот же С. Ушакин, на этой теме сосредоточились и Михаил Велижев, и Михаил Ямпольский. Отчасти к этой линии разговора примкнул и Павел Уваров: реплика Уварова объединяет со статьей Ямпольского внимание к проблеме интегрирующего фактора (по выражению Уварова — «федерирующего центра»), создающего притяжение (а также, как подчеркивает Уваров, и отталкивание) в дисциплинарном или междисциплинарном поле.

¹ См.: <http://igiti.hse.ru/news/28232200.html>.

Однако более интересными для участников дискуссии оказались две другие темы. Темы эти почти не затрагивались мною прямо, однако их можно было вытащить из подтекста, а главное, их легко можно было связать с названием моего текста. Первая из них — это *социальная легитимность филологии*, точнее говоря, вопрос о том, как филологам отвечать на сегодняшнюю ситуацию оной легитимности. На этой теме сосредоточились Константин Богданов, а также Кевин Платт, Сергей Ушакин и Татьяна Венедиктова. Почти все они свели метафору «осень филологии» к идее социального упадка дисциплины. Исключением стала Т. Венедиктова: она одна опиралась в своем выступлении на более или менее полный круг значений, традиционно связываемых с метафорой осени.

Но лейтмотивом дискуссии стала тема *ценностно-темпоральных ориентаций* сегодняшнего филолога. Вопрос о том, на какую из темпоральных перспектив исторического континуума — на прошлое, на настоящее или на будущее — должен ориентироваться современный гуманитарий, оказался для меня более общезначимым. Здесь моему имплицитному, но несомненному пафосу противостоял презентизм Б. Дубина и по-разному выраженный футуризм Т. Венедиктовой, К. Платта, Н. Поселягина, С. Ушакина, М. Ямпольского. Вопрос о темпоральных перспективах заявил о себе как вопрос о *ценностях* — самых общих и самых системообразующих ценностях, определяющих позицию гуманитария². Понятно, что метафора осени идеально вписалась в эту линию обсуждения. Как мне кажется, название моего текста оказалось для дискуссии в целом едва ли не более существенным, чем сам текст. Теперь постараюсь ответить на некоторые выступления по существу затронутых вопросов. Разумеется, я не имею возможности подробно разворачивать свой ответ каждому участнику дискуссии: коснусь лишь некоторых, наиболее важных для меня моментов. Поскольку сама дискуссия получилась весьма мозаичной, мозаичной будет и эта заключительная реплика. Разделю поддержание дискуссии на две части — негативную (критические замечания) и позитивную (рецепты / сценарии).

Сначала — о *критических замечаниях*. С наиболее острой критикой моей позиции выступили Кевин Платт и Сергей Ушакин. Оба представляют американскую науку (Ушакин демонстративно поставил под своим отзывом пометку «Принстон, 6 июня 2011 г.»); оба предлагают филологии ориентироваться на современную американскую антропологию. При этом С. Ушакин выразил свою критику таким образом, что отвечать мне на нее затруднительно. Сергей Ушакин критикует в моем лице всю филологию как дисциплину — от лица антропологии как другой, более прогрессивной дисциплины; риторическую стратегию Ушакина можно определить словами русской частушки: «Я не знаю, как у вас, а у нас в Киргизии...» Я же, со своей стороны, не настолько уверен в современной антропологии, чтобы аргументированно опровергать утверждения С. Ушакина, поэтому вынужден оставить его критические замечания без ответа. Главное, что я понял из его текста, это что дела в современной антропологии обстоят очень хорошо — так хорошо, как, пожалуй, ни в какой другой из известных мне гуманитарных и социальных наук.

2 Вопрос о ценностно-темпоральных ориентациях ученого-гуманитария, конечно же, тесно смыкается с проблематикой *режимов историчности*, как ее сформулировал Франсуа Артор (*Hartog F. Régimes d'historicité: Présentisme et expérience du temps*. P.: Seuil, 2003; на рус. яз. см.: *Артор Ф. Времена мира, история, историческое письмо* / Пер. А. Беляк // НЛО. 2007. № 83. С. 22–35).

Перейду к замечаниям Кевина Платта. Назвав мой текст «вдохновенной защитой автономии гуманитарной науки», К. Платт сразу же дезавуировал его с помощью одного убийственного аргумента: «Гуманитарное научное знание не пользуется и никогда не пользовалось такой абсолютной автономией». А значит, нечего и предаваться пустым мечтаниям об автономии, а надо подумать о суровой прозе жизни.

Перед нами — типичный случай «лукавого *reductio ad absurdum*» — полемического приема, хорошо известного в СССР по статье В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». Вы мечтаете о свободе? Но абсолютной свободы нигде не существует. А значит, нечего мечтать о свободе, а надо подчиниться воле партии (сиречь институций). Лукавство здесь очевидно. Я, например, совершенно не думал мечтать о какой-то абсолютной автономии, свободной от институционального контекста. Я ни на одну секунду не думал отрицать необходимость и неизбежность существования научных институций. Мне было важно другое: подчеркнуть *несводимость* логики научного поиска к логике институций. Если мне в ответ на это говорят: «Ты мечтаешь об абсолютной автономии» — значит, меня просто не хотят слышать. И, значит, мне просто хотят отказать в этой самой несводимости.

Самое смешное состоит в том, что практических разногласий между мной и К. Платтом вроде бы не так уж много. Мы оба согласны в том, что возможны лишь относительная автономия ученых и эта автономия всегда обусловлена определенными институциональными рамками. О чем же тогда спор — о словах? Нет, не о словах, а о приоритетах; и этот спор о приоритетах оказывается самым непримиримым. Для меня приоритетна логика автономного поиска, для него приоритетна все-таки логика институций. Для меня образцом строителя институций является создатель парижской Высшей школы социальных наук и Дома наук о человеке Фернан Бродель, проявивший чудеса изворотливости, чтобы, используя американские деньги, построить не *think tank*, как хотели американцы, а нечто гораздо менее прагматичное и гораздо больше поощряющее исследовательскую автономию³. Кто является образцом для Кевина Платта? Я не знаю. Я согласен с Платтом, когда он пишет: «Мы способны разве что отстаивать наше собственное видение, когда мы противостояем этим обстоятельствам и учимся влиять на них и ставить их под свой контроль, — но никак не можем притязать на то, что этих обстоятельств не существует». Да, конечно, это так. Однако я бы в возражение Платту послал эту же самую фразу — но только с измененной концовкой: «...мы не можем притязать на то, что нашего собственного видения не существует».

Теперь перехожу к критическим замечаниям Бориса Дубина. Они носят безличный характер: Б. Дубин, развивая свою критику современных русских филологов, даже ни разу не упоминает мое имя. Но я без колебаний отношу эту критику и к себе. Несомненно, из всех участников нашей дискуссии Борис Дубин обладает наиболее широкой известностью и наибольшим интеллектуальным и моральным авторитетом; что касается лично меня, то я относился и отношусь к его деятельности как переводчика и социолога литературы с неизменным восхищением. Именно поэтому я позволю себе проанализировать позицию Дубина особенно подробно.

3 См.: Mazon B. Aux origines de l'Ecole des hautes études en sciences sociales: Le rôle du mécénat américain, 1920—1960 / Préf. de P. Bourdieu, postf. de Ch. Morazé. P.: Cerf, 1988 (см. особенно предисловие Пьера Бурдьё); на рус. яз. см. об этом же: Бикбов А. Институты слабой дисциплины // НЛО. 2006. № 77. С. 340—363.

Как подчеркивает сам Дубин в начале своего текста, его отношение к отечественной филологии высказывалось им неоднократно на протяжении последних двадцати лет, оставаясь все эти годы неизменным по своей сути. Этой неизменности я вернусь чуть позже. Начну с базового постулата, определяющего всю позицию Б. Дубина: *филология должна ориентироваться на современность*⁴. Филолог должен интересоваться современной литературой и писать о современной литературе:

<...> без такого интереса, без ценностно-направленного, выделенного отношения к *современности* нет и *истории* как открытой структуры, результата выбора со стороны индивидов и групп, поля их самостоятельных действий, инстанции личной и взаимной ответственности. Невозможна в таком случае и *теория*, —

пишет Дубин. К этому мнению полностью присоединился и С. Ушакин: он привел слова Дубина о необходимости «ценностно-направленного, выделенного отношения к современности» и построил на этих словах всю свою критику моей позиции.

Так вот: я полностью согласен с мнением Дубина и Ушакина о необходимости ценностно-направленного, выделенного отношения к современности. И тем не менее я совершенно не согласен с сутью позиции Дубина и Ушакина.

Проблема состоит в том, что и Дубин, и Ушакин как бы «по умолчанию», *default*, отождествляют *ценностно-направленное* отношение к современности и занятия современностью. В случае С. Ушакина я готов даже допустить, что он отождествляет ценностно-направленное отношение к современности — с *позитивным* отношением к современности. Между тем, ценностно-направленное отношение к объекту не сводится ни к позитивному отношению, ни даже к говорению об этом объекте. Вопрос о ценностно-направленном отношении в интересующем нас контексте наиболее корректно сформулировал, как мне представляется, Макс Вебер:

Трансцендентальная предпосылка всех *наук о культуре* состоит не в том, что мы считаем определенную — или вообще какую бы то ни было — *культуру* ценной, а в том, что мы сами *являемся людьми культуры*, что мы обладаем способностью и волей, которые позволяют нам сознательно занять определенную *позицию* по отношению к миру и придать ему *смысл*. Каким бы этот смысл ни был, он станет основой наших суждений о различных явлениях совместного существования людей, заставит нас отнестись к ним (положительно или отрицательно) как к чему-то для нас значительному⁵.

кто сказал, что обо всех явлениях, *так или иначе* значительных для нас, должны говорить публично? Более того, делать все эти явления предметом своего профессионального анализа? Разве фраза «он не пишет о совре-

4 Вообще говоря, по убеждению Б. Дубина и его постоянного соратника Льва Гудкова, на современность должна ориентироваться не только филология, но и едва ли не все науки о культуре. На основе этого убеждения Гудков и Дубин воспитали целое поколение гуманитариев. См. об этом: *Гудков Л., Дубин Б.* Молодые «культурологи» на подступах к современности // НЛО. 2001. № 50. С. 147–167.

5 Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 379. Пер. М. И. Левиной. Шрифтовые выделения принадлежат автору.

менности» равносильна утверждениям «не интересуется современностью» или «не имеет своего мнения о современности»?

Во-первых, напомним очевидное: филология — равно как и история, и, например, археология — имеет главным предметом своего познания не современность, а именно прошлое. Отодвинутость предмета в прошлое, наличие хотя бы минимальной исторической дистанции обеспечивает филологу саму возможность минимально объективного суждения. В основе своей и филология, и история суть формы знания об умерших людях и их делах.

Во-вторых, разумеется, филолог всегда может совмещать свою основную деятельность с занятиями современностью, то есть с литературной критикой. Именно совмещать — иначе он перестанет быть филологом и станет чистым критиком. Однако в качестве литературного критика разве не естественно филологу быть защитником своей литературной эпохи и своего литературного поколения? Борис Дубин и Лев Гудков всегда указывают филологам на Тынянова как на образец для подражания. Но свои критические статьи Тынянов писал о людях своего времени: о «Серапионовых братьях», о Есенине и Ходасевиче, о Маяковском, Ахматовой, Пастернаке и Мандельштаме. Время литературной критики Тынянова было временем исключительного расцвета русской литературы, когда даже писатели второго ряда были интересны и значительны. Значительна была современная литература в целом, это, несомненно, и оправдывало в глазах Тынянова занятия литературной критикой. Напомню, что основной массив литературно-критических статей Тынянова относится к 1921—1924 годам.

А если современная культура перестает быть значительной? Точнее, если вся значительность современного мира состоит в почти всепроникающей глубочайшей *незначительности*? Именно такое суждение о нынешнем мире вынес в 1995 году — за год до своей смерти — Корнелиус Кастириадис⁶; к сожалению, лично я сегодня могу лишь присоединиться к его мнению. Если почти в любом произведении современного искусства (за исключением творчества нескольких негиббаемых стариков) вам слышится один и тот же мессидж: «Рок-н-ролл (сиречь данный вид искусства) уже мертв, а я еще нет». Что же тогда — как ни в чем не бывало, посвящать свое время изучению современности?

Мы знаем, как отвечал на подобные вопросы Тынянов. Напомню Борис Дубину историю, которая ему прекрасно известна. Лефовцы хотели переориентировать молодых ленинградских филологов на занятия современностью. Маяковский говорил Лидии Гинзбург, Борису Бухштабу и Николаю Коварскому: «Работайте на современной литературе. Бросьте заниматься филологическим жеством»⁷ (каламбурный неологизм *филоложество*, несомненно, отсылает нас к *мужеложеству*, а к *труположеству*; ср. также *ложь* и *ничтожество*). Через некоторое время Лидия Гинзбург делает следующую запись:

В ответ на мои недоумения — почему это нужно непременно заниматься *любой* современной литературой, Брик говорил мне: «Вы все работаете в тылу. Разумеется, работать в тылу в своем роде нужно и полезно, но необходимо и почетно работать на фронте».

Я рассказала это Тынянову: тогда он как раз был не в ладах с москвичами, а потому говорил «они» и раздражался.

6 См.: *Castoriadis C. Postscript on Insignificance / Transl. by G. Rockhill and J. W. Garner. L.; N.Y.: Continuum, 2011.*

7 *Гинзбург Л. Человек за письменным столом. Л.: Сов. писатель, 1989. С. 11.*

— А почему вы им не сказали, что они со своей литературой факта, — генералы без фронта?..⁸

К Борису Дубину, Льву Гудкову и всем иным поклонникам современности хочется обратиться вопрос, замечательно (как и всегда) сформулированный Лидией Гинзбург: *почему это нужно непременно заниматься любой современной литературой?* В категорических призывах Дубина и Гудкова к занятиям современностью наибольший протест у меня вызывают две взаимосвязанные вещи: неприятный привкус обязаловки («нравится, не нравится — ешь!») и столь же неприятный привкус идолопоклонства. А как иначе назвать тот *безусловный* приоритет, который отдается изучению современности, какова бы эта современность ни была? «Современность важнее всего — просто потому, что это современность».

Из этого исходного несогласия вырастает несогласие со всей последующей системой аргументов и примеров, которые использует Дубин. Так, в качестве безусловного образца для подражания (опять эта нормативная безусловность!) Дубин приводит ситуацию «во Франции, Испании, Португалии и Латинской Америке, Великобритании и США, Польше, Чехии и Венгрии», где

о любом значительном сегодняшнем поэте или прозаике, скажем, поколения сорокалетних <...> я найду не по одной аналитической монографии филолога, а об их сверстниках в России, и блестящих, — в лучшем случае, литературно-критическое эссе, а чаще рецензию или абзац в толстожурнальном обзоре.

Мнимая убедительность этого примера достигается чисто риторическими средствами: безапелляционным введением эпитетов «значительный» и «блестящий» (особенно забавных, когда они исходят от человека, декларативно занимающего позицию социолога литературы). Кто определил эту значительность и этот блеск? Для Дубина они значительные и блестящие, для меня — нет. Когда я представляю себе книжные полки, уставленные монографиями обо всех отечественных сорокалетних (или тридцатилетних, или пятидесятилетних) литераторах, которых кто-то где-то назвал значительными и блестящими, — меня охватывает ужас.

Столь же мнимо убедительны утверждения Дубина о том, что, «отстраняясь от современности, наблюдатель устраняет точку (место), где находится и откуда говорит». Слова «наблюдатель устраняет...» здесь понимаются по умолчанию как «наблюдатель *всегда* устраняет...». Но на самом деле эта утрата местоположения происходит далеко не всегда. Да, для того, чтобы решать те или иные историко-филологические вопросы, историку и особенно филологу не обязательно думать о современности. Однако едва ли не все исторические и филологические работы, получившие резонанс за пределами узкого круга специалистов, были написаны с острым осознанием того, где наблюдатель находится и откуда говорит. Источником недоразумения здесь также является двусмысленное выражение «отстраняясь от современности», которое может означать и «отворачиваясь от современности», и «не задумываясь о современности». Тут опять-таки происходит неявное отождествление занятий современностью и ценностно-направленного отношения к современности.

Но это обожествление современности — не единственный момент, вызывающий у меня несогласие с позицией Дубина. Обожествление современности сочетается у Дубина с программной убежденностью в том, что отече-

8 Там же. С. 31–32. Курсив автора.

ственные филологи за последние двадцать лет ничуть не изменились и ничему не научились. Двадцать лет назад они отличались социальной невменяемостью — ею же они отличаются и сегодня.

На самом деле за последние двадцать лет все наши филологи — о каком бы поколении ни шла речь — накопили колоссальный социальный опыт. Был ли это опыт жизни в России или опыт работы и учебы за границей — последние двадцать лет не прошли бесследно ни для кого. Социальное самосознание и социальные представления сегодняшнего русского филолога сильно отличаются от самосознания и представлений двадцатилетней давности. И если Борис Дубин не видит никаких перемен в содержании их работ, это значит только одно: он не видит перемен, которые ожидались лично им, Борисом Дубиным. В реальности же имеют место два явления. В случае старшего поколения — перемен действительно нет, но при этом социальное самосознание филолога изменилось довольно сильно. В случае же среднего и младшего поколения — перемены налицо, но эти перемены кажутся Дубину недостаточно радикальными.

В отличие от Бориса Дубина, Николай Поселягин видит в тех поисках, которые ведет сегодня младшее поколение российских филологов, радостные симптомы новизны. Он говорит о «весне» и даже о «ренессансном приятии нового», мягко, но решительно отвергая мою метафору осени. В осени он видит лишь старость и упадок: «такова уж моя собственная аксиология...» — добавляет он. Боюсь, что эта личная аксиология Николая Поселягина ошибочна. В европейской традиции осень — это, помимо всего прочего, пора плодоношения и сбора урожая, пора последнего сияния природы. Напомнить ли Николаю Поселягину имена Томсона, Китса и Пушкина — или ограничиться книгой Хейзинги? Что же касается «ренессанса», то подобные слова надо употреблять ответственно. Понятие «ренессанс» предполагает новое открытие некоего массива текстов и наделение этого массива высшим статусом. Понятие «ренессанс» предполагает зачеркивание всей непосредственно предшествующей традиции и прыжок через всю предшествующую традицию прямо к истокам — *ad fontes*. Если все это у вас есть в наличии или хотя бы в потенции — тогда вы начинаете заново, тогда вы действительно человек Ренессанса. Если же всего этого нет — тогда извините...

Коротко скажу о позитивной части обсуждения. Сначала перечислю основные сценарии развития филологии, предложенные в ходе обсуждения, и кратко охарактеризую их суть и некоторые их импликации (как они мне представляются).

Сценарий Б. Дубина. Его суть может быть выражена формулой «философия вместо филологии». На это ярко указывает список авторов, перечисляемых Дубиным в качестве ориентиров: Н. Автономова, Г. Амелин, Е. Петровская. Лично я бы перечислил в качестве ориентиров другие имена — например, такие: А. Зализняк, В. Живов, М. Чудакова. Но Дубин, несомненно, имеет право на свои предпочтения и на свою филологию — или на свой заменитель филологии.

Сценарий К. Платта и С. Ушакина (а также *И. Прохоровой*, которая в данном случае находилась за кулисами): «антропология вместо филологии». Я не буду подробно характеризовать этот сценарий: скажу только, что я вполне согласен со всеми возражениями, высказанными К. Платту в ходе обсуждения его предшествующей статьи в «НЛО» № 106. К этим возражениям, напечатанным в «НЛО», считаю также необходимым добавить чрезвычайно содержательное и убедительное выступление С.Д. Серебряного на ранее упоминав-

пьемся «круглом столе» в ИГИТИ ВШЭ: оно осталось, к большому сожалению, неопубликованным. Я согласен со всеми тезисами С.Д. Серебряного.

Сценарий Т. Венедиктовой: «филология как наука о речепользовании». Но наука о речепользовании уже существует: она называется риторика. Таким образом, суть сценария Венедиктовой должна быть сформулирована следующим образом «риторика вместо филологии». Это сценарий вполне реальный, но надо учесть две его возможные импликации. Импликация первая — для российских условий. В современном российском обществе институциональная реализация этого сценария неизбежно рискует превратить филологию-риторику в «служилую науку», обслуживающую интересы государства и господствующей идеологии (ср. риторико-филологический проект Ю.В. Рождественского, успешно развиваемый сегодня на филологическом факультете МГУ А.А. Волковым⁹). Импликация вторая — для западных, но также и для российских условий. В современном мире, чтобы действительно успешно реализовать предложенный сценарий, потребуется каким-то образом возродить в сознании молодых поколений идею *удовольствия от разговора* (имеется в виду удовольствие от культурного разговора). Современный мир весь стоит на идее удовольствия, но удовольствие это мыслится во все большей степени как невербальное.

Наконец, сценарий *М. Ямпольского*, имплицитно предлагаемый в его чрезвычайно интересном обзоре. Как мне кажется, суть этого сценария можно определить приблизительно следующим образом: «негуманитарное историческое знание вместо филологического знания». В самом деле, при всем разнообразии концепций и идей, пересказываемых Ямпольским, все они предполагают стирание грани между естественными и гуманитарными науками, стирание граней между человеком; животными и растениями (Латур) или между человеком и механизмами (Симондон), а также преимущественный интерес к макро- и к микроструктурам, то есть к тем уровням, на которых не заявляет о себе человеческое «я». Да Ямпольский и сам признает: «История Де Ланды или филология Богоста, пожалуй, лишь с натяжкой могут называться историей и филологией».

И в заключение — о самом главном. В этой реплике я до сих пор ни разу не упомянул одного из участников дискуссии. Я имею в виду Максима Вальдштейна. Дело в том, что текст М. Вальдштейна решительно выламывается из общего ряда выступлений: он выводит всю дискуссию на метаяровень. Вместо того чтобы утверждать или отвергать те или иные приоритеты, Вальдштейн ставит вопрос о том, что определяет все эти приоритеты. Он ставит вопрос о двух самых общих, постоянно воспроизводящихся и несводимых друг к другу типах академической ментальности, которые стоят за выбором тех или иных приоритетов¹⁰. Этот мыслительный ход М. Вальдштейна представляется мне самым важным, самым интересным и самым продуктивным результатом состоявшейся дискуссии. Я был бы рад, если бы это выступление М. Вальдштейна стало отправным пунктом для новой дискуссии на страницах «НЛО»: мне кажется, это выступление вполне заслуживает такого внимания.

9 См., например: *Волков А.А.* Теория риторической аргументации. М.: Изд-во МГУ, 2009.

10 Анализ, предлагаемый М. Вальдштейном, хорошо стыкуется с соображениями петербургского социолога науки Михаила Соколова о принципиальной разнице между англо-американским и российским типами мотиваций, определяющих деятельность ученого. См.: *Соколов М.* Как управляют научной продуктивностью (<http://www.polit.ru/article/2011/03/05/sokolov/>).